

УДК 94(571.5)(=162.1)''19''

DOI: 10.18324/2224-1833-2021-1-158-164

Польские политические ссыльные в Сивяковском тюремном помещении в 1865–1868 годах

Е.В. Семенов

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
ул. Терешковой, 1, Улан-Удэ, Республика Бурятия
sew11@mail.ru

Статья поступила 16.11.2020, принята 26.11.2020

В истории польской политической ссылки в Забайкалье в 60-е гг. XIX в. особое место занимает Сивяковское тюремное помещение. До настоящего времени изучению размещения польских ссыльных в представленном месте заключения не было посвящено ни одного комплексного исследования. В рамках настоящей статьи автор рассматривает функционирование Сивяковского тюремного помещения в период 1865–1868 гг., а также условия размещения и особенности внутренней жизни польских политических ссыльных. В основе методологии изучения представленной темы лежит комплексный подход и основной набор научных методов исторического исследования. Для наиболее полного изучения истории польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении были применены методы анализа материалов Государственного архива Забайкальского края, а также источников личного происхождения и воспоминаний польских ссыльных, отбывавших наказание в рассматриваемый период в Сивяковском тюремном помещении. Результатом исследования является конкретизация исторических фактов пребывания польских ссыльных в Сивяково, условий размещения, выполнения каторжных работ, а также внутреннего функционирования сообщества ссыльных. Концентрация значительного количества польских ссыльных в одном месте привела к формированию уникальной социокультурной ситуации. В Сивяково находились как представители различных течений национально-освободительного движения поляков середины XIX в., так и представители этнических групп, населявших земли Царства Польского, а также польских территорий, входивших на тот момент в состав Австрийской и Прусской империй. В рамках представленной статьи были рассмотрены лишь некоторые аспекты широкой темы функционирования Сивяковского тюремного помещения, которая требует дальнейшей детальной разработки.

Ключевые слова: польские политические ссыльные; Сивяковское тюремное помещение; Домнинское тюремное помещение; каторжные работы; взаимоотношения польских ссыльных.

Polish political exiles at the Sivyakovsky prison in 1865–1868

E.V. Semenov

East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia
e-mail: sew11@mail.ru

Received 16.11.2020, accepted 26.11.2020

The Sivyakovsky prison holds a special place in the history of the Polish political exile in Trans-Baikal Siberia in the 1860s. Up until now, no comprehensive study has been devoted to the internment of Polish exiles in this prison. In this paper, the operation of the Sivyakovsky prison in 1864-1868, as well as the living conditions of Polish political exiles in this prison and the specifics of their prison life are examined. The methodology for studying this topic is based on a comprehensive approach and a basic set of historical research methods. In order to ensure a complete study of the history of Polish exiles at the Sivyakovsky prison, the materials from the State Archive of the Trans-Baikal Region, Russia, as well as private sources and memoirs of Polish exiles who were imprisoned at the Sivyakovsky prison in that period, are studied. This study has resulted in a detailed specification of historical facts concerning the imprisonment of Polish exiles at the Sivyakovsky prison, the conditions of their prison life and penal labor, and the internal functioning of the exile community. The concentration of a significant number of Polish exiles in one place led to a unique social and cultural situation. The Sivyakovsky prison was home to representatives of various groups within the Polish national liberation movement of the mid-19th century, as well as members of different ethnic groups of the Kingdom of Poland and Polish territories that were part of the Austrian and Prussian empires at that time. This paper presents only a few aspects within a broader topic of the operation of the Sivyakovsky prison, which requires further detailed study.

Keywords: Polish political exiles; Sivyakovsky prison; Domninsky prison; penal labor; relationship of Polish exiles.

В истории польской ссылки в Сибири особое место занимает Забайкалье, являвшееся местом каторжных работ на протяжении XVIII–XIX вв. Во второй половине XIX в. на территории Забайкальской области ссыльные участники восстания 1863–1864 гг. размещались в следующих рудниках и горных заводах: Петровский железоделательный завод, Александровский сереброплавильный завод, Сивяковское тюремное помещение, Алгачинский, Акагуевский, Кадаинский и Кличкинский рудники, Муравьевская гавань, а также Карийские золотые промыслы. Наиболее многочисленная группа польских ссыльных в рассматриваемый период была сосредоточена в тюрьме при верфи по строительству барж для нужд амурских сплавов, расположенной в д. Сивяково на берегу р. Ингода.

На протяжении продолжительного периода времени в отечественной и в особенности польской историографии сформировалось устойчивое представление о том, что каторжные работы ссыльных участников польского восстания 1863–1864 гг. являлись очень тяжелыми и зачастую были невыносимы. Анализ мемуарного наследия участников и очевидцев рассматриваемых событий позволяет опровергнуть ряд существующих заблуждений на этот счет. Автор уже рассматривал некоторые аспекты данной темы в своих статьях [1].

Методологической основой разработки темы представленной статьи служат основополагающие принципы научного исследования: объективности, научности, логичности. В процессе работы автором были применены библиографический, историко-генетический метод, анализ исторических источников, метод локализации исторических фактов. Библиографический метод позволил выявить и проанализировать существующий массив литературы по теме исследования. Историко-генетический метод позволил рассмотреть Сивяковское тюремное помещение в процессе его функционирования, от момента размещения в Сивяково первых польских ссыльных и до их перехода на поселение.

Целью рассмотрения темы данной статьи является изучение истории функционирования Сивяковского тюремного помещения в период 1865–1868 гг., рассмотрение условий пребывания польских ссыльных в данном тюремном помещении, а также характеристики общественной жизни общества польских ссыльных.

В связи с прибытием в Забайкалье в 1864 г. большого количества польских ссыльных и необходимостью размещения их на каторжные работы местные власти столкнулись с серьезной проблемой распределения польских ссыльных на территории Забайкалья и привлечения их к каторжным работам [2, с. 113]. Большинство заводов и рудников Нерчинского горного округа на тот момент

было закрыто в связи с истощением запасов полезных ископаемых. В связи с этим верфь в Сивяково становится одним из наиболее крупных мест каторжных работ для ссыльных участников восстания 1863–1864 гг.

В декабре 1864 г. принимается решение о переоборудовании помещений казарм, расположенных в д. Сивяково, под устройство в них тюрьмы для польских политических ссыльных. Первоначально в Сивяково предполагалось разместить до 800 польских ссыльных [3, л. 1]. В конце января – начале февраля 1865 г. был произведен ремонт казарменных помещений для их размещения. В начале 1865 г. стали прибывать первые партии ссыльных, и постепенно количество ссыльных значительно увеличилось.

Как уже отмечалось выше, основным видом работ в Сивяковском тюремном помещении являлось изготовление плавательных средств для нужд амурских сплавов, а также проведение различного рода вспомогательных работ. Польские ссыльные в основном привлекались к заготовке строительного материала и изготовлению барж и лодок.

Б. Дыбовский, оставивший наиболее полное описание производимых работ в Сивяково, разделял работы на две категории: общественные и казенные. К общественным относил работы, связанные с жизнеобеспечением самих ссыльных (заготовка дров, доставка воды, уборка помещений и территории, поддержка огня в пекарнях, бане и прачечной, заготовка мангира). Ко второй категории работ ученый относил работы, связанные со строительством барж (плотничьи, столярные, слесарные, кузнечные), а также работы, не требующие специального профессионального знания и умения (вылов строительного леса из Ингоды, очистка берегов реки от опилка) [4, с. 88]. О подобного рода работах упоминает и Э. Чапский [5, с. 296].

Российский революционный демократ П.Д. Баллод, находившийся в Сивяковском тюремном помещении одновременно с польскими ссыльными, перечисляет следующие виды работ, к которым привлекали каторжных: заготовка дров, строительство взвоза для подъезда к баржам, очистка бревен от коры, изготовление потников на баржи, конопачение барж [6, с. 155].

Поскольку количество польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении увеличивалось до 1866 г., а необходимого объема работ при строительстве барж не было, возникла парадоксальная ситуация: сосланные на каторгу польские ссыльные фактически к работам не привлекались. Свидетельствуют об этом все ссыльные, оставшие воспоминания о пребывании в Сивяково.

В частности, Б. Дыбовский сообщал, что для выхода на работу существовала очередь, которая приходилась один раз в несколько дней, а иногда и

один раз в неделю [7, с. 90]. Сообщали об этом Э. Чапский [8, с. 287] и М. Дубецкий [9, с. 142]. В зимний период работы прекращались, за исключением заготовки дров и изготовления нагелей [10, л. 40].

Каторжные работы в Сивяковском тюремном помещении были отнесены к категории заводских работ.

Случалось, что непривычные к физической работе ссыльные, в особенности, принадлежавшие к привилегированным сословиям, не выполняли положенную норму выработки и подвергались наказанию — заключению на гауптвахте. Связано это было в первую очередь с тем, что большинство ссыльных, находившихся в Сивяково, не были знакомы с физическим трудом и не владели элементарными навыками ремесла. И если на начальном этапе пребывания польских ссыльных в Сивяково существовали солидарность и помощь при выполнении работ, то позднее каждый ссыльный сам выполнял назначенную работу. В связи с этим производительность труда, выполняемого польскими ссыльными, по свидетельству П.Д. Баллода, была крайне низкой [11, с. 155-157].

Ссыльные, находившиеся в Сивяковском тюремном помещении, получали содержание в размере 11 коп. в сутки. Летом 1866 г. встал вопрос об увеличении денежного довольствия для ссыльных до 14 коп. в сутки. Связано это было с увеличением объема работ. Власти рекомендовали увеличить сумму пособия только на период проведения работ, в случае же его уменьшения необходимо было вернуться к прежнему размеру денежного содержания [12, л. 110].

Что же собой представляло наиболее крупное место сосредоточения польских ссыльных на территории Забайкалья в середине 60-х гг. XIX в.? Нам пока не удалось найти схему размещения, но мы можем ее реконструировать по воспоминаниям польских ссыльных, пребывавших в Сивяковском тюремном помещении в рассматриваемый период.

Большая часть польских ссыльных была размещена в Сивяковском тюремном помещении. В расположенном неподалеку Домнинском тюремном помещении находилось сравнительно небольшое количество польских ссыльных.

Находившиеся в Сивяковском тюремном помещении ссыльные первоначально были размещены в двух освобожденных двухэтажных зданиях казарм. Тем не менее, помещений уже на начальном этапе не хватало, а те, которые были приспособлены, не отвечали элементарным требованиям: были плохо отапливаемы, кишели паразитами.

Прибывший в марте 1865 г. в Сивяково Б. Дыбовский при встрече со своим старым знакомым Г. Гзовским узнал о том, что руководство тюремного

помещения выдало распоряжение о расширении территории тюрьмы [13, с. 86].

Подтверждает слова Б. Дыбовского и Л. Зелонко, который сообщал, что «уже в середине апреля 1865 г. наша община, несмотря на сильные морозы, активно и энергично принялась за строительство домов, т. е. землянок. За два месяца более шестидесяти домов было почти закончено, расширены границы тюрьмы, перенесены на полторы версты ограждение, выкопаны канавы и рвы для отвода воды. Сивяково превратилось в небольшой городок» [14, с. 47].

Документы Государственного архива Забайкальского края, в свою очередь, говорят о том, что постройка жилищ на территории тюрьмы и перевод были разрешены в сентябре 1865 г. Сообщает об этом и Э. Чапский, который прибыл в сентябре 1865 г. из Домны в Сивяково [15, с. 282].

Сам же Б. Дыбовский приобрел уже готовый домик от рабочих, которые покидали Сивяково [16, с. 87]. Еще один польский ссыльный, оставивший воспоминания о пребывании в Сивяково, Эдвард Чапский, также сообщает о покупке дома: «Дом, который я купил у доктора Адольфа Струмилло, целиком находился над уровнем земли, построенный из двойных стен, засыпанных внутри опилками. Я жил в нем с сентября 1865 г. по апрель 1866 г.» [17, с. 282].

Со временем территория тюремного помещения была значительно расширена и представляла собой небольшое поселение. На этой площади оказались дома работников сплава, а также дома и землянки, построенные самими ссыльными. Здесь также размещались здания кухни, пекарни, бани и прачечной, лазарета. Здесь же находились хозяйственные постройки и помещения для содержания скота. За пределами ограждения находились казармы охраны, дом начальника сплава, гауптвахта. На Ингоде находились помещения собственно верфи по строительству барж, кузница, пилорама.

Л. Зелонко следующим образом характеризует сформировавшееся поселение: «Городок наш мы назвали “маленькой Варшавой” и разделили его на две части: на Старый и Новый город, было там Краковское предместье, улицы Сенаторская, Королевская, Медовая, Депутатская и даже Железные ворота» [18, с. 49]. «Старым городом» автор скорее всего называет ту часть тюремного помещения, которая первоначально находилась в пределах ограждения, «Новым городом», соответственно, ту часть, которая была увеличена за счет переноса ограждения на значительное расстояние.

Со временем увеличившееся количество ссыльных привело к тому, что не представлялось возможным всех их разместить в предназначенных для них помещениях, в итоге было принято

решение ссыльным, приговоренным к небольшим срокам каторжных работ и включенным в категорию «исправляющихся», разрешить проживать вне пределов тюрьмы и приобретать дома за тюремным ограждением.

В сентябре 1865 г. разрешение на проживание вне тюрьмы получили 57 чел. [19, л. 34]. Эдвард Чапский называл эту часть домов «тюремной слободой» и сообщал, что в здесь располагались 7 домов [20, с. 306]. Проживавшие за тюремным ограждением обязаны были каждый понедельник и пятницу собираться в 11 часов в доме старосты для проведения проверки и получения заданий [21, л. 1].

В большинстве источников авторы называют дома, в которых проживали ссыльные, «землянками». Фактически же в Сивяково было два типа домов: полуземлянки и дома.

Большие проблемы возникали у тех, кто приобрел или построил полуземлянку. Территория Сивяковского тюремного помещения находилась в подтопляемой зоне, в связи с чем в период дождей помещения, расположенные ниже уровня земли, часто подвергались подтоплению. Несмотря на то, что на территории были выкопаны водоотводные каналы, вода все же проникала внутрь помещений, расположенных ниже уровня земли. В частности, о таких проблемах сообщал Л. Зелонко [22, с. 58].

Б. Дыбовский, проживавший в собственном доме, писал о мерах, предпринятых им и его товарищами, чтобы обезопасить свое жилище от подобной проблемы. Ими были выкопаны специальные каналы, помогавшие отводить излишнюю воду от дома. Большинство домов были окружены заборами и палисадниками, в которых ссыльные завели огороды и посадили деревья [23, с. 158].

По свидетельству авторов воспоминаний, внутри тюремного помещения функционировали свечной и мыловаренный заводы, магазин, несколько кафе, в одном из которых работал бильярд. В магазине находились в продаже необходимые предметы: сахар, чай, иглы, нити, табак и пр. В кафе, по свидетельству Э. Чапского, можно было приобрести кофе и чай [24, с. 288]. Кафе с бильярдом, о котором упоминает Л. Зелонко, на наш взгляд, принадлежало Евстафию Грабовскому, об этом он сообщал в письме своей жене. В октябре 1867 г. это дошло до сведения генерал-губернатора Восточной Сибири, который рекомендовал обратить внимание Н.П. Дитмара на данный факт, поскольку «описанная им (в письме. — Е.С.) обстановка противоречит положению, в котором должен находиться политический ссылокаторжный» [25, л. 265].

В 1867 г. после инспекции мест размещения польских ссыльных на территории Забайкалья был подготовлен доклад, в котором, в частности,

отмечались и условия размещения ссыльных. В докладе указывалось: «Люди эти (польские ссыльные. — Е.С.) помещены частью в зданиях, приспособленных к тюрьмам, частью же в землянках, окруженных общим забором, и шалашах. Некоторые из ссыльных этой группы, окончившие срок испытания и освобожденные вследствие того из тюремного заключения, выстроили на свой счет дома, в которых и проживают. Особенное внимание между ними по благоустройству своему заслуживают ссыльные, находящиеся в с. Дарасуне, Сиваковой и Кеноне, имеющие независимые домохозяйства, хлебопашество и значительные огороды на землях, указанных им начальством вблизи своего помещения» [26, л. 244 об.].

5 ноября 1866 г. из главного управления Восточной Сибири поступило распоряжение отделить от ссыльных привилегированного звания ссыльных из простолюдинов и впредь содержать эти категории ссыльных отдельно. Местом размещения ссыльных привилегированного звания предполагалось сделать Сивяковское тюремное помещение, ссыльных простого звания приказывалось перевести в Домну, расположенную в 6 верстах: «распорядиться о переводе всех находящихся в д. Сиваковой преступников простого сословия в д. Домну, наблюдая на будущее время, чтобы в д. Сиваковой содержались преступники только из привилегированного звания» [27, л. 5]. 27 ноября из Сивяково в Домну было переведено 67 ссыльных, а из Домны в Сивяково — 24 ссыльных.

Общественная жизнь в Сивяковском тюремном помещении. Прибывший в марте 1865 г. в Сивяково Б. Дыбовский уже застал сформировавшееся сообщество польских ссыльных. По словам Г. Гзовского, там функционировала школа для неграмотных, сформировалась библиотека и существовал читальный зал, где проводились лекции. Часть ссыльных занималась изучением иностранных языков — немецкого и французского. Одним из учителей в школе становится Мариан Дубецкий.

Кроме теоретического обучения, среди ссыльных функционировали своего рода курсы обучения практическим ремеслам, освоение которых в дальнейшем, при выходе на поселение, значительно облегчило жизнь ссыльных и позволило им найти занятие.

По сообщению Л. Зелонко, в Сивяковском тюремном помещении выходили две рукописные газеты. В одной размещалась информация об основных вопросах функционирования сообщества ссыльных, в другой содержались материалы политического характера. Одна из газет носила название «Эхо Сивяково». До нас, к сожалению, не дошли оригинальные материалы этих газет.

В среде творческих ссыльных сформировалась труппа актеров, которая ставила постановки популярных произведений польских авторов. Одну из таких постановок запечатлел на своем рисунке Ю. Беркман, также находившийся некоторое время в Сивяково [28, с. 411–426]. Идейным вдохновителем и организатором театральных представлений в Сивяковском тюремном помещении, по свидетельству Л. Зелонко, являлся Людвиг Левинский [29, с. 50].

Для организации театральных представлений, возможно, использовалось одно из казарменных помещений, способное вместить большое количество зрителей. Мы не располагаем сведениями о том, как часто были организованы подобные представления и какие конкретно произведения были представлены аудитории ссыльных. Следует согласиться с предположением Е. Фечко, что представления могли носить комедийный характер [30, с. 411–426].

Важным для польских ссыльных являлось сохранение католических традиций и регулярное проведение богослужений. Среди ссыльных находилось несколько католических священников, которые явились ядром создания католической общины. Несмотря на то, что ссыльные католические священники были лишены сана и им запрещалось проводить религиозные обряды, время от времени богослужения все же проводились. 24 января 1866 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков в своем письме на имя военного губернатора Забайкальской области сообщал: «Дошло до сведения моего, что содержащиеся в местах заключения политические преступники устраивают самопроизвольно алтари под предлогом отправления Богослужения. Признавая устройство таковых алтарей вовсе неуместным и не имея в виду, чтобы закон разрешал подобные действия, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство отнюдь не допускать устройства подобных алтарей» [31, л. 50].

В случае необходимости следовало обращаться к католическому священнику Нерчинско-заводского католического прихода Андрею Юревичу, который в рассматриваемый период проживал в Чите. Сам священник в это время занимался переносом центра прихода из Нерчинского завода и получением разрешения строительства католического храма в областной столице. Следует также учитывать тот факт, что Нерчинско-заводской приход охватывал не только территорию Забайкальской области, но и распространялся на дальневосточные земли. В связи с этим Андрей Юревич не всегда регулярно мог посещать всех ссыльных католиков, разбросанных по различным горным заводам и рудникам.

По свидетельству Л. Зелонко, в Сивяковском тюремном помещении сложились два католических прихода, которые совпадали с границами так называемого «Старого» и «Нового» городов. Предполагаемый приход «Старого города» возглавлял Северин Гергелевич, а приход «Нового города» — Феликс Ковалевский. На протяжении 1865 г. количество католических священников, оказавшихся в Сивяковском тюремном помещении, постоянно возрастало – от 3 в марте до 17 в конце октября [32, л. 14, 41]. Позднее все католические священники были переведены на каторжные работы из Сивяковского тюремного помещения в Александровский сереброплавильный завод.

Л. Зелонко и П.Д. Баллод сообщают интересный факт о предпринятой попытке построить здание молитвенного дома, в котором могли бы проходить богослужения. Л. Зелонко также пишет о том, что негласное разрешение на строительство было получено от коменданта Заборовского, который также позволил использовать рабочий скот для доставки строительного материала из леса. В июне 1866 г. началось строительство, относительно быстро было поставлено здание часовни, однако в момент проведения обряда освящения здание было оцеплено охраной, и дан приказ прекратить богослужение [33, с. 56, 57]. Л. Зелонко утверждает, что здание католической часовни было переоборудовано под православную церковь. В свою очередь, П. Баллод пишет, что освящение часовни и первое богослужение в ней состоялось, но после его завершения было запрещено, а данное здание было переоборудовано под казарменное помещение [34, с. 159].

Они оба подтверждают тот факт, что ссыльным удалось спрятать предметы богослужения и избежать их изъятия. Тем не менее, факты изъятия богослужебных предметов происходили. Так в апреле 1866 г. у Евстафия Грабовского были изъяты облачение католического священника и предметы для проведения богослужений, присланные ему его женой. В дальнейшем эти предметы были высланы в Иркутск для передачи в действующий католический приход.

Одной из проблем внутренней жизни сообщества поляков в Сивяковском тюремном помещении являлось злоупотребление алкоголем. Согласно этой оценке многие авторы воспоминаний.

Несмотря на достаточно активную общественную жизнь сообщества польских ссыльных в Сивяковском тюремном помещении, единодушия в среде ссыльных не было. Практически все ссыльные, оставившие воспоминания о пребывании в Сивяково и функционировании общества ссыльных, пишут о том, что польские ссыльные были поделены на несколько групп. Основной причиной разделения было сословное происхождение

ссылных. Обусловлено оно было и внутренней политикой администрации, которая стремилась к разделению общества ссылных.

Кроме того, в Сивяково в полной мере проявились различия между территориальными группами участников восстания. Значительным образом отличались друг от друга представители западных и восточных территорий Польши, входивших на тот момент в состав Пруссии и России. Среди участников восстания также были белорусы и украинцы. Э. Чапский описывает это следующим образом: «Здесь, в Сивяково, среди сосредоточенных 700 заключенных, собранных со всех провинций разделенной Польши, мы заметили новый болезненный признак нашего общества, который имел глубокие зародыши в прошлом и, хотя был вызван самыми худшими моральными условиями настоящей неволи, не только от нее исключительно мог появиться. Этим признаком было сосредоточение жителей отдельных провинций, различающихся языком и одеждой, а иногда даже способом жизни и понятиями, и зачастую враждебное отношение друг к другу таких провинциальных кружков» [35, с. 283–285].

Кроме разделения по национальному и территориальному признаку, в Сивяково проявилось и разделение по партийным предпочтениям, о которых также пишет большинство ссылных. Б. Дыбовский отмечает: «Жизнь наша в Сивяковской тюрьме протекала бы вполне сносно, как в Усолье под Иркутском, если бы не партийные междоусобицы, ветренные проявления неподготовленных умов и если бы не водка, все это производило неприятное впечатление» [36, с. 92].

В другом месте автор воспоминаний говорит о том, что противоречия между польскими ссылными, представителями разных направлений, все более углублялись. И если представители «красных», являлись сторонниками радикальных мер, которые, как правило, приводили к неповиновению и даже бунту, «белые», которых Б. Дыбовский называет «интеллигенцией», призывали к внутреннему совершенствованию и тщательной работе над собой. Поскольку, по мысли автора, второй путь являлся наиболее трудным для осуществления в условиях каторги, не все ссылные ему следовали.

Сам Б. Дыбовский непродолжительное время находился в Сивяково и при предоставившейся

возможности в числе других ссылных был переведен в д. Дарасун, где занялся обустройством создаваемого курорта и лечением больных. В своих воспоминаниях общество ссылных, находившихся в Сивяково, он называет «Речь Посполитая Сивяковская». Сам автор воспоминаний старался не вмешиваться в партийные противоречия, являясь сторонником концепции выживания, основанной на принципах органической работы.

Подобным образом противоречия и противостояние представителей двух основных направлений в Сивяково описывает и Л. Зеленко: «В Сивяковой движение было, как в улье, все крутится, и почти каждый, как может, работает; но общество, разделенное на две части, устраивает польским способом сеймики, зажигает речи и т. п.» [37, с. 50].

Об одном из острых противостояний между двумя направлениями, произошедшем в Сивяково, упоминает российский революционер, находившийся в рассматриваемый период в Сивяково, П.Д. Баллод. Он в письме, датированном 3 июля 1870 г., сообщал о своем избрании старостой ссылных в Сивяковском тюремном помещении. Избрание и назначение старостой ссылных П.Д. Баллода в среде польских ссылных не было единогласным решением всех польских ссылных, часть из них выступала резко против [38, с. 157].

Сивяковское тюремное помещение, просуществовавшее небольшой период времени, тем не менее, сыграло большую роль в функционировании сообщества польских ссылных в Забайкалье в 60-е гг. XIX в. Изменение количества ссылных в Сивяковском тюремном помещении происходило на протяжении всего его существования. Связано оно было как с перемещением ссылных по территории Забайкалья и переводом в другие места каторги, так и с императорскими манифестами, облегчавшими участь польских ссылных.

Каторжные работы, хотя и существовали в Сивяковском тюремном помещении, тем не менее, не носили того принудительного и тяжелого характера, как их представляет ряд авторов воспоминаний.

Внутренняя жизнь сообщества ссылных была полна не только положительных моментов самообразования и творчества, но и значительными территориальными, социальными и политическими разногласиями.

Литература

1. Семенов Е.В. Каторжные работы польских ссылных в Сивяковском тюремном помещении в 60-е гг. XIX в. // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.А. Иванов, С.И. Кузнецов. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2017. Вып. 8 (20). С. 340-349.
2. Skok H. Polacy nad Bajkałem. 1863-1883. Warszawa:

- Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 336 p.
3. Дело об устройстве в д. Сивякова тюремных помещений и содержании в них политкаторжан // ГАЗК (Гос. арх. Забайкальского края) Ф. 1. Оп. 1 (п). Д. 112. 66 л.
4. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. 623 p.
5. Czapski E. Pamiętniki Sybiraka. Londyn, 1964. 371 p.

6. Валескали П.И. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод. Материалы к биографии. Рига: «Зинатне», 1987. 301 с.
7. Dubiecki M. Echa z powstania styczniowego. Zamość: Zygmunt Pomarański i Spółka, 1922. 167 p.
8. Дело об устройстве в д. Сивякова тюремных помещений и содержании в них политкаторжан // ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (п). Д. 112. Л. 40.
9. Переписка зав. политическими заключенными по финансовым вопросам в д. Сивяково. 1865-1868 гг. // ГАЗК Ф. 1. Оп. 2 (п). Д. 82. Л. 110.
10. Zielonko Jastrzębiec L. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863-1869. Kraków: Spółka Wydawnicza w Krakowie, 1906. 320 p.
11. Семенов Е.В. Бенедикт Дыбовский в Забайкалье в 1865-1868 годы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 81-86.
12. Zielonko Jastrzębiec L. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863-1869. Kraków: Spółka Wydawnicza w Krakowie, 1906. P. 49.
13. Дело об устройстве в д. Сивякова тюремных помещений и содержании в них политкаторжан // ГАЗК Ф. 1. Оп. 1 (п). Д. 112. Л. 34.
14. Именные списки политических преступников, оставленных для проживания вне ограды тюрьмы // ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (п). Д. 163. Л. 1.
15. Инструкции по надзору за политкаторжанами и устройству их быта // ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2 (п). Д. 52. Л. 235.
16. Инструкции по надзору за политкаторжанами и устройству их быта // ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2 (п). Д. 52. Л. 244 об.
17. Распоряжения Председательствующего в Совете о перемещении политических преступников из про-
столюдинов из Сивяковой, из Муравьевской Гавани в с. Бянкино // ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (п). Д. 217. 79 л.
18. Fiečko J. Teatr w kajdanach. Na marginesie zapomnianego obrazu Józefa Baerkmana // Pamiętnik Teatralny. 1995. Z. 3-4. P. 425.
19. Инструкции по надзору за политкаторжанами и устройству их быта // ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2 (п). Д. 52. 239 л.
20. Именные списки политических каторжан, находящихся в Сиваковой // ГАЗК Ф. 1. Оп. 1 (п). Д. 147. Л. 14, 41.
21. Czapski E. Pamiętniki Sybiraka. Londyn, 1964. P. 283-285.
22. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. P. 92.
23. Zielonko Jastrzębiec L. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863-1869. Kraków: Spółka Wydawnicza w Krakowie, 1906. P. 50.18. Fiečko J. Teatr w kajdanach. Na marginesie zapomnianego obrazu Józefa Baerkmana // Pamiętnik Teatralny. 1995. Z. 3-4. P. 425.
19. Instructions for the supervision of political prisoners and the arrangement of their life // SATT. F. 1. In. 2 (p). D. 52. 239 p.
20. Name lists of political convicts in Sivakova // SATT. F. 1. In. 1 (p). D. 147. P. 14, 41.
21. Czapski E. Pamiętniki Sybiraka. Londyn, 1964. P. 283-285.
22. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930. P. 92.
23. Zielonko Jastrzębiec L. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863-1869. Kraków: Spółka Wydawnicza w Krakowie, 1906. P. 50.